

УДК 37.0.14

О. А. Луговая, А. М. Складова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОРАЛИ И ПРАВА В ФИЛОСОФИИ В. С. СОЛОВЬЕВА

Рассмотрена взаимосвязь морали и права в этической системе В. С. Соловьева. Раскрывается смысл добра как высшей, абсолютной ценности в философии всеединства. Добро рассматривается не только как проявление абсолютного всеединства, но и как механизм совершенствования личности и самого исторического процесса в его стремлении к достижению нравственного прогресса. Особое внимание уделяется анализу Софии как этической категории, отражающей идею поступательного преобразования мира и человека, диалектику относительного и абсолютного в морали. Выделены те основания, на которых зиждется мораль по В. С. Соловьеву: стыд, жалость, благоговение и принципы, служащие средством реализации абсолютного добра – аскетизм, альтруизм, богопочитание. Наряду с добром рассмотрены основные этические категории: благо, зло, свобода, цель, совесть, справедливость, равенство и др. Дан анализ права, правовых отношений и структур как механизма реализации духовно-нравственных отношений в обществе. Право рассматривается как регулятор личной свободы и общего блага, опирающийся на законы, чья действенность обеспечивается публичностью, конкретностью, применимостью, разделением властей (законодательной, судебной, исполнительной) и подчинением верховной власти. Государство рассматривается как воплощенное право.

Добро, зло, всеединство, свобода, цель, субъективное благо, объективное благо, равенство, справедливость, совесть, София, право, закон, государство, богочеловечество

Нравственное измельчание в условиях глобальных проблем современности поистине чревато цивилизационным кризисом. Духовно-нравственное воспитание не может не опираться на формирование и развитие правового сознания. Возрождение фундаментальных нравственных ценностей связано с пониманием единства морали и права в любой социальной системе. Подлинный закон отвечает нравственной природе и идеалам человечества, и отрыв его от морали приводит к принятию таких законов, которые не связаны с универсальными нравственными ценностями. Подлинное развитие нравственности с неизбежностью опирается на правовое сознание и связано с ее реализацией в обществе. Как пишет великий гуманист нашего времени Дарио Салас Соммэр: «Назрела насущная необходимость начать великий крестовый поход XXI в. ради спасения традиционных духовных ценностей, распространить их повсеместно и внедрить в культуру людей. Нужно перестать скрывать от человека тот неоспоримый факт, что самой благородной его целью является духовное развитие и тот, кто достиг эволюции, сможет стать ценным вкладом в общество и быть примером для всех, кто стремится к самореализации» [1, с. 290].

Обращение к философско-этической системе В. С. Соловьева поможет глубже и полнее исследовать взаимосвязь морали и права.

В. С. Соловьев (1853–1900) – великий русский писатель, философ, поэт, публицист, создавший законченную философскую систему всеединства, которая до сих пор остается одним из значительных памятников мировой философской и этической мысли. Ясность, точность и глубина изложения, гуманизм и патриотизм, широкий исторический контекст в рассмотрении проблем делают его произведения актуальными и в наши дни.

Если аксиоматически изложить основную идею В. С. Соловьева по поводу связи морали и права, можно сказать, что добро как абсолютная и безусловная нравственная цен-

ность должно и может быть реализовано через правоприменение. Отсутствие в обществе подлинных правовых отношений делает духовно-нравственное воспитание не только уязвимым, но и практически невозможным. Для понимания современного состояния нравственности, механизмов ее формирования это осознание является чрезвычайно важным.

Свое исследование соотношения морали и права В. С. Соловьев начинает с пояснения понятия Добра как единства относительного и абсолютного. «В самом существе безусловного нравственного начала <...> заключается уже признание относительного элемента в нравственной области. Ибо ясно, что требование совершенства может обращаться только к несовершенному; обязывая его становиться подобным высшему существу» [2, с. 494]. Именно переход относительного в абсолютное означает развитие нравственности «... меньшее добро имеет свое оправдание как условие большего» [2, с. 495]. Эта идея более подробно раскрывается В. С. Соловьевым в учении о Софии [3, с. 148]. Человек, утратив в грехопадении возможность внутреннего и непосредственного единения с божеством, становится одиноким, возникает разобщенность, которая преодолевается мировой душой – Софией. Душа мира занимает промежуточное положение между множественностью живых существ и безусловным единством Божества [4, с. 44–45]. Она дуалистична: объединяя мир и сохраняя его в единстве, София сама противостоит Абсолюту и противопоставляет ему мир. Как существо двойственное она заключает в себе божественное начало и сотворенное бытие, не определяясь ни тем, ни другим и потому являясь свободной. С появлением человека мировая душа раскрывается в своем новом действии и значении именно в человеке – притом не в отдельном индивидуе, а в человечестве как целом. Душа мира понимается В. С. Соловьевым как идеальное человечество благодаря своему воссоединению с Божеством. Это воссоединение осуществляется в сознании и достигает своего завершения во Христе.

Последовательно этизируя картину бытия – определяющее значение в ней приобретают понятия добра и зла, ответственности и вины – В. С. Соловьев тем самым универсализирует нравственность. Эта идея восходит к учению о душах Оригена [5, с. 217–219]. Сотворив их, Бог наделил каждую свободой воли. Поскольку единение с Богом требовало от душ высокого напряжения сил, то некоторые из них отпали от него по нерадению или слабости. И чтобы не оставить их без поддержки, он, благодаря ангельским чинам, дает им возможность пройти циклы очищения, благодаря чему даже самые последние грешники обретают возможность возвратиться к Богу. Точно также София или мировая душа является лучами божественной природы и помогает не отпасть от жизни, не умереть любому творению Божию. Она является силой, которая может предотвратить разрушение всего сотворенного Богом, поэтому она есть Воскресение. София у В. С. Соловьева персонифицируется как нравственный закон бытия, как Премудрость Божия. Для В. С. Соловьева это означает, что мировой процесс не только теологичен, но и софичен: исторический процесс направлен ко всеобщему благу. В Софии, по В. С. Соловьеву, идеально заключена объединяющая сила разделенного и раздробленного мира, и в конце мирового процесса она рассматривается как Царствие Божие.

Хаос, который трактуется как зияющая бездна всякого безумия и безобразия, демонических порывов, восстает против всего положительного и должного. Космологический и антропологический аспект Софии у В. С. Соловьева имеет богословскую сторону – сближение с Божьей Матерью. Аксиологический дуализм состоит, по В. С. Соловьеву, в постоянном выборе между добром и злом. В «Чтениях о Богочеловечестве», где весь мировой процесс тракту-

ется как соединение божественного начала с душой мира, учение о человеке освящено этой идеей. В человеке мировая душа, соединяясь с божественным Логосом, образует всеединство. Душа человека, в трактовке В. С. Соловьева, может соединиться с Богом, только исчерпав свое своеволие и убедившись, что следствием ее гордыни могут быть лишь различные формы страдания. Таким образом, грехопадение у него является частью Божественной Премудрости. И весь мировой процесс В. С. Соловьев трактует как постепенное одухотворение человека через внутреннее усвоение и развитие божественного начала. К человеку стремилась вся природа. К богочеловечеству направлялась вся история человечества. При этом необходимо отметить, что у В. С. Соловьева субъектом исторического развития является человечество, а не отдельный индивид. Такой подход помогает преодолеть метафизический индивидуализм. Индивидуальное у В. С. Соловьева – это лишь луч нераздельной всеединой сущности. Отдельное лицо есть только индивидуализация всеединства.

Как же трактует зло В. С. Соловьев? Души, созданные в вечности созвучны Богу. Отсюда понятно, что в мире не может быть субстанциального начала зла – дьявола. Дьявольское начало – это своеволие, то есть свобода твари, дарованная Богом, но истолкованная эгоистично. Своеволье невозможно изжить не отказавшись от свободы. Человек может ограничить своеволие, лишь испытав его бесперспективность, внутреннюю пустоту, одиночество. Отвернувшись от Бога, душа должна была бы уничтожить и себя и мир, но от этой крайности ее удерживает Божественная воля, оставившая падшему телу самые элементарные формы грубого вещества. Душе мира дано право «построить» свой собственный мир, но поскольку ее истина не в ней самой, а в Боге, то из почти полного самозабвения она исторически окольными путями через ошибки и рецидивы своеволия восстанавливает в себе замысел Бога о мире, возводя к Богу все материальные стихии. Таким образом, София спасает даже самую падшую тварь от смерти, давая шанс любому обрести Добро.

Добро у В. С. Соловьева выступает как форма всеединства. Оно как безусловная норма устанавливает такие нравственные требования, которые становятся всеобщими и необходимыми. Здесь его позиция опирается на этическую систему И. Канта, разделяя значимость категорического императива как абсолютного закона морали. В. С. Соловьев подчеркивает определяющую роль идеи добра как всеобщего необходимого нравственного закона деятельности. Иначе говоря, мораль может быть подлинной, если она реализуется на практике. Выбор, согласно этическому закону, является необходимым и не может быть произвольным или случайным. Нравственная деятельность человека не свободна от внутренней высшей необходимости абсолютного добра [2, с. 98]. Побудительным мотивом нравственной деятельности В. С. Соловьев считает чувство любви. Благодаря ему возможно единение человеческих существ. Любовь выражает внутреннюю связь людей, их всеединство, из которого происходит умение человека отождествить себя с другими, стремление видеть в другом себя и считать его целью, высшей ценностью, целью, а не средством.

Мораль, по В. С. Соловьеву, зиждется на трех основных чувствах: стыде, жалости и благоговении. Чувство стыда позволяет не только выделить себя из животного мира, но и свою материальную природу отделить от духовной, нравственной. Жалость дает нам возможность ощущать чужое страдание и боль. Благодаря жалости и стыду человек может проявлять свое нравственное отношение к самому себе и другим живым существам. Благоговение означает преклонение перед высшим существом – Богом или идеалом. Однако В. С. Соловьев замечает, что наличие этих трех чувств еще не гарантирует нравствен-

ность – это лишь основание, из которого она вырастает. Чтобы стать моралью, они должны трансформироваться в совесть. Так как сама совесть возникает на основе стыда, то именно он является первоисточником морали. Из стыда, выражающего отношение к плоти, вытекает принцип аскетизма, из жалости – принцип альтруизма, из благоговения – принцип богопочитания. Все эти принципы служат, по В. С. Соловьеву, средством реализации идеи абсолютного добра. Высшим является любовь к Богу. Все остальные нравственные добродетели есть лишь видоизменения этих трех основных принципов. В работе «Оправдание добра» для иллюстрации этой идеи В. С. Соловьев приводит пример того, что мужество и храбрость, несомненно, есть проявление принципа возвышения и господства над низшей, материальной стороной природы: «Мужество сознается человеком не как преобладание только хищнического инстинкта, а как способность духа возвышаться над инстинктом личного самосохранения, причем присутствие этой силы духа является добродетелью, а отсутствие ее осуждается как постыдное» [2, с. 119].

Основными этическими категориями В. С. Соловьев считает добро, зло, цель и свободу. Добро есть высшее благо, олицетворяющее у него абсолютно-сущее. Общим принципом всякой деятельности для человека является идея добра, которая сама становится определяющим мотивом человеческой деятельности. Осознание этого ставит человека в определенное отношение к мировому процессу как участника к цели, поскольку определяя свои действия идеей добра, человек участвует в общей жизни, созидая подлинное реальное добро. Нравственность, таким образом, становится жизнью в самом добре. Последнее носит безусловный характер. Отношение к абсолютному добру может быть, по В. С. Соловьеву, трояким: 1) мы осознаем несовершенство по отношению к нему (например, нам свойственна злость, нетерпимость, ненависть); 2) будучи несовершенными, мы осознаем абсолютное совершенство как истинное и в сознании соединяемся с ним, стремимся к всеединству как образу Божию в нас; 3) осознавая идеальное совершенство, мы стремимся быть действительно совершенными [2, с. 129–130]. Признаки добра – это автономность, всеединство и действительность. Автономность означает, что добро ничем внешним не обусловлено; всеединство (или полнота) означает, что оно все собою обуславливает; сила же добра в его осуществлении, реализации. Цель исторического процесса состоит именно в создании реальных условий осуществления добра. Путь исторического прогресса – оправдание добра, переход от «зверочеловека» к богочеловечеству. Истина для человека – не отделять себя от всего (индивидуализм), а быть со всеми (всеединство). Поэтому цель этики, по В. С. Соловьеву, – обоснование и оправдание добра, иллюстрация его необходимости в человеческой истории. Этика призвана определить цель нравственной деятельности, разграничить понятия добра и зла. Для этого необходимо разграничить субъективную и объективную этику. Эта идея чрезвычайно актуальна для современной реальности, в которой люди, лишённые нравственного стержня и фундаментальных, основополагающих ценностей, сплошь и рядом выдают субъективное понимание морали за подлинную мораль. Под субъективной этикой В. С. Соловьев понимает внутренние побуждения человека, все то, что удовлетворяет его в данное время. Такая этика не может быть подлинной, общественно признанной. Истинное благо может быть только объективным – общественным по содержанию и форме. Действовать нравственно, значит иметь в виду общественное благо.

Существует три вида объективного блага, по В. С. Соловьеву: материальное, формальное (справедливость) и абсолютное (всеединство). Из стремления к материальному благу

возникает экономическое общество; из стремления к справедливости возникает государство; из стремления к абсолютному благу возникает «духовное общество» (церковь). Материальные блага не обладают истинной моральной ценностью; нравственное значение имеет справедливость, но и она не дает полного блага человеку. Мораль в своей основе имеет нравственную цель, которая предполагает общественное благо. С понятием цели тесно связано понятие свободы. Свобода есть возможность добровольного выбора цели. По отношению к цели свобода имеет подчиненное значение. Она не определяет цель, а только выражает способ действия, играет роль средства ее осуществления. Свобода, иными словами, есть право выбора и условие добра. Внутренняя свобода – это добровольное предпочтение добра злу. Рассматривая проблему свободы, В. С. Соловьев отвергает произвол в поведении индивида. Свобода не означает игнорирование обязанностей, а предполагает их выполнение, и поскольку каждая личность обладает ценностью, то свобода каждого человека должна иметь своим пределом свободу другого человека. Иначе говоря, свобода как нравственная категория всегда включает самоограничение, самоотречение. Не признавая свободу другого человека, личность теряет право на свою собственную свободу. Чем личность более развита, тем более она следует общественной морали и печется об общем благе.

Говоря о реализации добра, нельзя не учитывать вопроса об отношении права и морали. В. С. Соловьев указывает, что это отношение – один из коренных вопросов практической философии. Это, в сущности, вопрос о связи между идеальным нравственным сознанием и реальной жизнью. Между идеальным добром и действительностью есть промежуточная область права и закона, служащая воплощению добра, ограничению и исправлению зла. Правом и его воплощением государством обусловлена существующая организация нравственной жизни общества и человечества. При отрицательном отношении к праву нравственная проповедь, лишенная объективных опор, осталась бы в лучшем случае бессмысленной, а само право, с другой стороны, при полном отделении своих формальных требований и учреждений от их нравственных принципов и целей потеряло бы свое безусловное основание и в сущности ничем не отличалось бы от произвола.

Для последовательного разобщения между правом и моралью нужно было бы отказаться даже от самого слова «человеческое», которое на всех языках свидетельствует о коренной связи этих областей. Понятие права и соотносительное с ним понятие обязанности настолько входят в область нравственных идей, что прямо могут служить для их выражения. Любому человеку понятны этические утверждения: я осознаю свои обязанности воздерживаться от всего постыдного, или я обязан по мере сил помогать нуждающимся в моей поддержке и служить тем самым общему благу. Иначе говоря, нет такого нравственного отношения, которое не могло бы быть правильно и общедоступно выражено в терминах правовых. Скажем, нравственное правило любить врагов своих достаточно отдалено от юридических норм. И все же, если высший нравственный закон обязывает меня любить врагов, то ясно, что мои враги имеют право на мою любовь. Это положение, в котором воплощается единство юридического и нравственного начал. Ибо, что такое право, как не выражение справедливости? Соловьев останавливается на анализе категории «справедливости» в работе «Чтение о Богочеловечестве». Принципы свободы, равенства и братства, провозглашенные Великой французской революцией, не были реализованы ею. Буржуа подменили всеобщие интересы или благо общества своими меркантильными, не обеспечив реальное равенство и интересов других слоев общества. Поэтому завоевания социа-

лизма вполне справедливы: «Если воля народного большинства есть основание и единственное основание всех прав и всякого закона <...> и ставит себе предметом благосостояние этого большинства, то это благосостояние является высшим правом и законом» [6, с. 36]. Таким образом, право есть не что иное, как выражение справедливости, но к ней же сводятся и все моральные добродетели. Однако из этого не следует, что сфера права и морали совпадают полностью, и что можно смешивать этические и юридические понятия. Их различие можно свести к трем главным моментам.

Чисто нравственное требование, как например любовь к ближнему, есть по существу неограниченное или всеобъемлющее. Выполнение его связано со стремлением к нравственному совершенству и основано на нем. Какое-либо ограничение этой максимы противоречило бы нравственной заповеди и подрывало бы ее значение – отказаться от абсолютного идеала означало бы отказ от самой морали. Правовой же закон всегда ограничен: вместо совершенства он требует хотя бы низшей, минимальной степени нравственного сознания. В. С. Соловьев пишет: «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад» [2, с. 509]. Однако хотя законы правовые и не требуют высшего нравственного совершенства, но и не отрицают его. Таким образом, отношение морали и права состоит в том, что право есть низший предел или определенный минимум нравственности.

Нравственность требует личной свободы, без которой невозможно моральное развитие личности, но поскольку человек живет в обществе, его свобода не должна противоречить условиям существования и развития общества. Разрыв же между личным совершенствованием и его общественной реализацией слишком большой. Поэтому, учитывая наличие в обществе людей не только не обладающих высокой нравственностью, но и наделенных отклоняющимся поведением, необходимо принудительно обеспечивать общественное благо и безопасность. Иначе говоря, требование личной свободы предполагает ее ограничение во имя общего блага. Это рождает право.

Принцип права, если его рассматривать абстрактно, есть прямое выражение справедливости: я утверждаю мою свободу как право, поскольку свободу других считаю их правом. Иными словами, сама реализация свободы и права всегда связана с ограничениями, так как в обществе все наделены свободой и правами. И это требование справедливости вытекает из идеи общего блага или добра. Насколько справедливость реализуется в обществе – это зависит от нравственного сознания и других общественных условий. Таким образом, право есть принудительное равновесие двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага. При этом, как указывает В. С. Соловьев, право не уравнивает частные интересы. Оно заинтересовано только свободой личности и благом общества, не вмешиваясь в частные отношения, оно лучше служит нравственности. Поскольку человек свободен в нравственности, у него есть определенная свобода быть безнравственным. И право в определенных границах гарантирует ему эту свободу, не склоняя его к аморализму. Например, кредитор может взыскивать долги, а может и прощать – это его право. С другой стороны, принудительность исполнения своих обязательств сохраняет свободу должника и равноправность его по отношению к кредитору: он зависит не от его воли, а от своего решения и общего закона. Иными словами, интересы личной свободы и общего блага здесь совпадают. Еще очевиднее совпадение частного и общего интереса в области уголовного права. Свобода жить и совершенствоваться была бы пустым звуком, если бы они зависели от произвола другого человека,

которому захочется искалечить жизнь другому. Однако, по В. С. Соловьеву, право не может перекрыть все «каналы» совершения преступлений и зла, поэтому мораль необходима как фактор регулирования отношений через общественное мнение во всех сферах жизни общества. В этом смысле нравственная регуляция универсальна и дает ориентиры обществу в ситуациях выбора между добром и злом. Право же «включается», только когда чья-либо злая воля грозит безопасности самого общества, т. е. затрагивает интересы общего блага. Нарушение гармонии личных и общественных интересов грозит обществу двумя аномалиями: перевес сил личных интересов и произволов; перевес общественной опеки, подавляющей личность. Первая аномалия приводит к анархии, вторая – к деспотизму. В истории отношения личных и общественных интересов колеблются, но непреложным остается то, что над теми и другими есть границы, исходящие из нравственности и права, которыми нельзя пренебрегать без пагубных последствий.

Право и мораль при этом ограничивают принудительные действия лишь областью реально-практического добра, не касаясь внутренней духовной сферы жизни человека. Совершенно очевидно, что принудительность таких ограничений условна для тех, кто добровольно воздерживается от правонарушений и преступлений: эти ограничения не затрагивают их личной свободы. Из этого вытекает, что основное свойство добра, которое обусловлено правовым сознанием, не принудительность, а объективность его реализации: защита от грабежа, разбоя, произвола, т. е. безопасность во всех сферах жизни. Что же касается морального выбора или духовных ценностей, они не могут быть принудительными. Добродетель как внутреннее расположение к добру и правоверие входят в понятие внутреннего духовного блага. Заставить человека совершать добро невозможно, принуждение здесь оборачивается только злом.

По мнению В. С. Соловьева существует три вида насилия: зверское, которое совершают убийцы, разбойники, растлители детей; человеческое, допускаемое самой организацией общества в целях защиты общественного блага; насильственное вторжение общества в сферу духовной жизни человека – это зло. Таким образом, право служит объективному добру и не должно вмешиваться в частную жизнь, духовный мир, личную свободу, которая как в области уголовного, так и гражданского права обеспечивается интересами общего блага. Общее право может руководствоваться только объективными данными, допускающими проверку. Личную чувствительность и впечатлительность пострадавшего оно не может учитывать. К тому же обиженный (в случаях, не подлежащих уголовной ответственности) может мстить обидчику, так как его свобода ничем не ущемлена, как и свобода противника. Для юридической оценки важна не злая воля сама по себе и не результат ее действия, который может быть случайным, а только связь намерения с результатом или степень реализации злой воли, т. е. степень опасности ее для общества.

Таким образом, так как сущность права состоит в уравнивании личной свободы и общего блага, то последнее только ограничивает личный интерес, а не упраздняет его. Из этого В. С. Соловьев делает вывод о том, что нельзя применять смертную казнь или пожизненное заключение. Поэтому наличие таких законов противоречит существу права: оно становится лишь частным интересом и потому теряет свое право ограничивать личную свободу. По этому пункту у В. С. Соловьева требования морали совпадают с сущностью права, т. е. требование минимального добра является требованием той же нравственности и не противоречит ей. Поэтому, если какой-либо закон идет в разрез с нравственным пониманием

добра, то он не отвечает и существующим требованием права. Следовательно, правовой интерес к такому закону может состоять только в том, чтобы его отменить.

Так как принуждение отличает правовую норму от нравственной, оно требует действительного обеспечения, т. е. достаточной силы для реализации права. Первое условие такого обеспечения – это общежитие, так как одинокий человек не может противостоять даже природным стихиям, не говоря уже об общественных злодеяниях. При этом такое общественное существование предполагает с необходимостью добровольное ограничение прав и свобод для того, чтобы общество существовало и развивалось. Такое подчинение человека обществу согласуется с безусловным нравственным началом, которое соединяет частное и общее благо. Закон права по существу делает то же самое – ограничивает личную свободу и интерес в угоду общественным. Закон, таким образом, есть по существу общепризнанное и безличное уравнивание частной свободы и общего блага.

Отсюда, по В. С. Соловьеву, существуют три отличительных признака закона: 1) его публичность – обнародование; 2) конкретность; 3) реальная применимость, предполагающая обязательные санкции – карательные меры – в случае его неисполнения. Чтобы санкции не оставались пустой угрозой, закон должен опираться на действительную и достаточную силу для его исполнения всегда. Эта идея особенно актуальна для современной России. Иными словами, право должно иметь в обществе действительных носителей и представителей, достаточно могущественных, чтобы издаваемые ими законы исполнялись. Такое реальное представительство права называется властью. Ей предоставлено право: 1) издавать обязательные для всех законы, 2) судить согласно этим законам, 3) принуждать всех как к исполнению судебных приговоров, так и других мер, необходимых для общей безопасности и развития общества. Очевидно, что при этом в социуме три различные власти – законодательная, судебная и исполнительная при необходимой независимости и дифференциации не могут быть разобщены, но должны вступать в противоборство между собою, чтобы достичь своей цели – служение всеобщему благу. Единство их проявляется также в подчинении их единой верховной власти, в которой сосредоточивается все положительное право общества. Это единое начало полновластия непосредственно проявляется в первой власти – законодательной, вторая – судебная обусловлена первой, так как суд не самозаконен, а обязан следовать существующим в обществе законам, а двумя первыми обусловлена третья, которая способствует принудительному исполнению законов и судебных решений. На практике, как правило, происходит много нарушений. Часто судебная власть подчиняется не законодательной власти, а исполнительной и т. п. Организация, заключающая в себе всю полноту положительного права или единую верховную власть, называется государством. Оно включает: 1) верховную власть, 2) органы, подчиненные ей, 3) субстрат государства, т. е. народонаселение определенной территории, подчиненное государственной власти.

Только в государстве право находит все условия для своего действительного осуществления. И с этой точки зрения государство есть воплощенное право. Поэтому нелиберальные бесконечные рассуждения об устранении или минимизации государства – утопия, выгодная для проталкивания меркантильных интересов. Таким образом, формальное основание власти в практическом выражении состоит в том, что оно подчиняет насилие праву, произвол – законности, причем принуждение допускается как средство крайней

необходимости. Без духовно-нравственной опоры достижение общего блага невозможно. Подводя итог, можно обозначить следующие моменты отличия морали и права.

Во-первых, чисто нравственное требование всегда по существу неограниченно – носит всеобъемлющий характер. Например, «возлюби ближнего как самого себя» – этот принцип ничем не ограничен. Всякое ограничение, принципиально допущенное, противоречит природе нравственной заповеди и подрывает ее значение: кто отказывается от безусловного идеала, тот отказывается от самой морали. Правовой же закон, по существу, всегда ограничен: вместо совершенства он требует хотя бы низшей, минимальной степени развития нравственного сознания. Таким образом, отношение морали и права состоит в том, что право есть низший предел или определенный минимум нравственности.

Во-вторых, из неограниченной природы чисто нравственных требований вытекает и второе отличие: исполнение их не обуславливается непременно, а также и не исчерпывается никакими внешними проявлениями. Юридическим же законом приписываются или запрещаются определенные внешние действия, совершением или не совершением которых этот закон удовлетворяется, не требуя ничего более. Таким образом, право есть требование реализации минимума нравственности, т. е. осуществления минимума добра или, что то же, действительного устранения известной доли зла. Тогда как интерес собственно нравственный относится непосредственно не к внешней реализации добра, а к его внутреннему существованию в сердце человека.

В-третьих, требование нравственного совершенства как внутреннего состояния предполагает добровольное его исполнение; правовая же реализация носит принудительный характер в целях защиты общественной безопасности, так как одним убеждением искоренить преступность невозможно.

В завершение приведем не потерявшие актуальности и в наши дни слова исследователя творчества В. С. Соловьева, известного российского философа XX столетия А. Ф. Лосева: «Вл. Соловьев любил Россию без всякой славянофильской лакировки, наоборот, с реальной критикой византийско-московского православия, но и решительно без всяких западных восторгов перед достижениями буржуазной цивилизации. Самым резким образом Вл. Соловьев критиковал и Восток и Запад, и все общественно-политические несовершенства старого режима в России. Но сама Россия в течение всей его жизни оставалась его единственной и страстной любовью. Спасибо ему» [7, с. 679].

Вслед словам А. Ф. Лосева добавим, что Владимир Сергеевич Соловьев не только любил Россию, но был и великим провидцем. Его идеи живы до сих пор, поражая своей глубиной и актуальностью. Его провидческий взор сквозь столетие проник в самые сложные, запутанные проблемы России XXI в.: коррупцию, которую мы до сих пор не можем победить, бездуховность, безнравственность и т. д. Его этическая система лучиком надежды высвечивает нам путь выхода из тупиковой ситуации. За это мы ему благодарны, поэтому и будем искать в его наследии ответы на фундаментальные вопросы современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дарио Салас Соммэр. Мораль XXI века. М.: Кодекс, 2017.
2. Соловьев В. С. Оправдание добра. М.: Академ. проект, 2010.
3. Письма Владимира Соловьева: в 4 т. Т. 4. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908–1923.

-
4. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Т. 2, ч. 1. Л.: ЭГО, 1991.
 5. Гусейнов А. А., Иррилиц Г. Краткая история этики. М.: Мысль, 1987.
 6. Владимир С. Чтение о Богочеловечестве: статьи, стихотворения и поэма из «Трех разговоров». Краткая повесть об Антихристе. СПб.: Худ. лит., 1994.
 7. Лосев А. Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990.
-

О. А. Lugovaya, A. M. Sklyarova
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

INTERRELATION OF MORALITY AND LAW IN V. S. SOLOVYOV'S PHILOSOPHY

The relationship between morality and law in the ethical system of VS Solovyov is considered. The meaning of the good as the highest, absolute value in the philosophy of absolute unity is revealed. Goodness is seen not only as a manifestation of absolute unity, but also as a mechanism for improving personality and the historical process itself in its pursuit of moral progress. Particular attention is paid to the analysis of Sofia as an ethical category reflecting the idea of the progressive transformation of the world and man, the dialectic of relative and absolute in morality. The foundations morals are based on are singled out, according to V. S. Solovyov: shame, pity, awe, and principles that serve as a means of achieving absolute good: asceticism, altruism, worship. Along with the good, the main ethical categories are considered: good, evil, freedom, purpose, conscience, justice, equality, etc. The analysis of law, legal relations and structures as a mechanism for the realization of spiritual and moral relations in society is given. The law is regarded as a regulator of personal freedom and common good, it rests on laws, their effectiveness is ensured by publicity, concreteness, applicability, separation of powers (legislative, judicial, executive) and subordination of supreme power. The state is regarded as the embodied right.

Good, evil, unity, freedom, purpose, subjective good, objective good, equality, justice, conscience, Sofia, law, state, God-manhood
